Алекс Вестфорд

ТАЙНЫЙ БЛЭКВУД

Дела инспектора Уитмора

ПОМИНАЛЬНЫЙ УЖИН В БЛЭКВУДЕ

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Алекс Вестфорд

Поминальный ужин в Блэквуде

«Автор»
2026

Вестфорд А.

Поминальный ужин в Блэквуде / А. Вестфорд — «Автор», 2026

Сентябрь 1933 года. Дора Стэнтон зовёт старых друзей в Вязовый дом помянуть мужа. Пока накрывают стол, попечитель Годфри Эйвери предлагает бывшей сестре Грейстока двести фунтов за частное соглашение. Она отказывается. До ужина Эйвери не доживает. Свет в комнате, где его находят, всё ещё горит, и проще всего обвинить электрика, работавшего в доме утром. Инспектор Артур Уитмор и сержант Томас Рид проверяют, что случилось между ремонтом и первым звонком в полицию. Уитмору тем временем предстоит поставить своё имя под исправлением старой сводки и встретиться с женщиной, о чьём отъезде он когда-то написал с полной уверенностью. Девятый самостоятельный роман серии «Тайный Блэквуд. Дела инспектора Уитмора».

© Вестфорд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Поминальный ужин в Блэквуде 5
Глава 1. Десятый сентябрь без него 6
Глава 2. Пока не сели за стол 11
Глава 3. После света 16
Глава 4. Лишняя деталь 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Алекс Вестфорд
Поминальный ужин в Блэквуде

Поминальный ужин в Блэквуде

Алекс Вестфорд

Глава 1. Десятый сентябрь без него

Дора Стэнтон не стала вынимать фотографию мужа из рамы. За стеклом у самого края осталась тонкая полоска пыли; протереть её можно было, только отогнув задние скрепки, а потом опять пришлось бы просить Робина. Он придёт, увидит приготовленные карточки и спросит, сколько ещё лет ему встречать чужих людей возле портрета отца.

Она протёрла стекло снаружи, поставила фотографию на стол. Майкл смотрел в сторону своего плеча. Снимок сделали незадолго до смерти, в двадцать третьем; воротник тогда оказался тесен, и он весь день жаловался, что на фотографии будет похож на человека, которого только что вытащили из воды. Врачи тоже умели бояться незначительного. За десять лет люди почему-то перестали это помнить.

Внизу переставляли столы. Один угол задел стену, посыпалась штукатурка. Роза Пемброк сказала кому-то не толкать, тот ответил, что не толкает. Дора закрыла дверь спальни и пошла вниз, держа раму обеими руками.

Ужин назначили на четверг, седьмое сентября. До него оставались два дня. Десятая годовщина смерти доктора Стэнтона превратилась в повод пригласить попечителей Грейстока, нескольких прежних сотрудников и людей, которые помнили лечебный дом совсем не таким, каким он сделался теперь. Дора хотела обойтись небольшим столом. Годфри Эйвери считал, что такая дата требует приличного собрания. Под словом «приличное» он обычно подразумевал количество гостей, которого хозяйка ещё не успела назвать.

Робин стоял у окон, придерживая край стола. Рукава закатаны, на предплечье тёмная полоса от недавно проявленной фотографии. Он посмотрел на портрет.

— Куда теперь?

— В гостиную. Пока.

— Если поставить под лампой, будет блик.

— В другой угол.

Сын взял раму, освободив ей руки. Ему было двадцать семь, и лицо в некоторые дни становилось похоже на отцовское; Дора научилась не говорить ему об этом. Для Робина это звучало не как нежность, а как ещё одна работа, которую он обязан выполнять без согласия.

Он поставил фотографию на буфет. Повернул немного, чтобы стекло не отражало дверь, и отошёл.

— Я хочу после четверга освободить две комнаты, — сказал он. — Если решим сдавать, надо хотя бы перестать складывать туда всё лишнее.

Дора посмотрела на соседние кресла. На одном лежал свёрнутый ковёр, на другом коробки с посудой, которую доставали только для собраний. Дом был слишком велик для двоих и удивительно мал, когда надо было найти место их несогласиям.

— После четверга обсудим.

— Ты говорила это в прошлом году.

Она вспомнила. Тогда тоже думала, что после гостей станет легче. Не стало: посуду убрали, счета оплатили, остались те же закрытые комнаты.

— В пятницу, — сказала Дора. — Утром. Принеси расчёты.

Робин кивнул. Не поблагодарил за разрешение распоряжаться домом, в котором жил с рождения. Роза попросила его перенести ковёр, и он унес, зацепившись каблуком за обёртку. Дора отвернулась к буфету, чтобы не начать давать советы, которых он не просил.

* * *

Годфри приехал до полудня вместе с дочерью. Элин везла коробку карточек для стола, потому что отец не доверял прошлогодним: у них пожелтели края. Взятые в руки, новые ока-

зались слишком белыми и торжественными. На каждой уже напечатали имя покойного, хотя имена живых предстояло вписать.

— Хорошо, что не позолотили, — сказал Робин.

Элин посмотрела на него и улыбнулась, но при отце улыбку убрала.

— Я просила просто бумагу.

— Бумага у всех есть дома, — ответил Эйвери. — Мы говорим о вечере памяти.

Он снял перчатки, положил в шляпу. В пятьдесят восемь лет сохранил привычку начинать разговор как заседание, даже если единственная собеседница ещё держала чайник. Дора попросила сначала сесть. За её столом Эйвери на несколько минут делался старым знакомым, который ещё помнил мужа, а не председателем попечителей действующего лечебного дома.

Грейсток теперь находился за городом. Вязовый дом к нему не принадлежал, но почту и просьбы о пожертвованиях по-прежнему иногда присылали вдове. Дора пересылала, отмечая на конвертах новый адрес, и иногда сердилась, что собственного имени для людей у неё так и не появилось. В четверг ей предстояло снова приветствовать их от имени Майкла.

Годфри положил список возле сахарницы. Свою карточку отвёл к малой передней комнате: до ужина собирался посмотреть несколько бумаг, не мешая гостям. Он часто занимал там письменный стол, когда приезжал по делам. Дора сказала, что лампа гремит и что Лоусон обещал зайти в четверг утром.

— В прошлый раз она мигала, — сообщил Робин.

— Вот потому он и зайдёт.

— Если очень мешает, я привезу свою, — предложил Годфри и тут же вернулся к списку. — Харт подтвердила?

Дора перестала наливать.

— Пока нет.

— Надо напомнить. Я хотел бы поговорить с нею прежде, чем все сядут.

— Я пригласила её потому, что она работала у Майкла. Если у тебя с нею другое дело, говори сам.

Эйвери удивился тону, затем кивнул. Попросил у Элин свой портфель. Дочь вышла к машине. Робин, пообещав помочь с коробкой, пошёл за нею, и Дора осталась с Годфри вдвоём.

— Можно же закончить неприятность по-хорошему, — сказал он. — Женщина потеряла место. Получит деньги, сможет перестать возвращаться к этому разговору.

— Это она так сказала?

— Она не может всю жизнь оставаться потерявшей место сестрой.

Дора поставила чайник. На скатерть упала капля, впиталась, и хозяйка стала смотреть на неё, чтобы не дать себе слишком быстро ответить.

— Тогда спроси, кем она хочет остаться. Не решай за неё только потому, что можешь выписать чек.

Годфри допил чай, словно терпеливо дожидаясь конца неточного возражения. Он знал, что платит не только за потерянную работу. Знал также, что слово «возмещение» выглядит на бумаге лучше, чем то, о чём следовало договориться прежде платежа.

* * *

Клемент Рэнсом зашёл с папкой текущих дел Грейстока. Поздоровался с портретом, слегка наклонив голову, и только потом с хозяйкой. Он помнил Майкла, но никогда не учился этому движению у вдовы: оно давно стало его собственным способом войти в дом.

Рэнсому был пятьдесят один год. Говорил мягко, не всегда доброжелательно. Сотрудники ценили, когда он сам показывал, как переставить кровать или приладить заедающую ручку, и не любили, когда потом вспоминал об этом при каждом разговоре о расходах. В кармане пиджака носил маленький складной инструмент. Элин однажды спросила, чинит ли он пациентов тем же способом. Он ответил без улыбки, что с людьми обычно труднее.

Дора попросила посмотреть гремящий абажур. Доктор согласился, сначала закончив разговор о гостях. Годфри убрал портфель со стола, освобождая место, и пошёл за ними в малую комнату.

Лампа стояла возле окна. Тяжёлое металлическое основание, тёмная стойка, зелёный металлический абажур; под столешницей проходила старая отопительная труба. Дора не любила, что о неё всё время бьют ногой, но перенос стола закрывал часть окна. Шнур спускался вдоль стены. Лампочка при включении загорелась, верх коротко дрогнул и звякнул.

Рэнсом выключил, вынул вилку и придержал абажур. Снял верхнее кольцо, показал потёртую прокладку. Не открывал основание. В карманном инструменте нашлась подходящая отвёртка; он немного подтянул верх, вернул кольцо и проверил рукой.

— Держится, но пусть Лоусон посмотрит всё, — сказал он. — От старых прокладок бывает больше хлопот, чем от новых приборов.

Годфри сел за стол, попробовал повернуть свет к бумагам. Когда приподнялся, одной рукой опёрся на холодную трубу у края стола, другой придержал стойку. Дора напомнила, что в четверг там не должно быть портфеля на всё кресло: место нужно и для Луизы, если она согласится приехать.

Доктор повернул голову.

— Вы пригласили Харт?

— Она работала здесь ещё при Майкле, — ответила хозяйка. — Ты помнишь.

— Помню.

Он закрыл инструмент, убрал в карман. Рэнсом не стал спрашивать о причине при Годфри, а тот не предложил объяснения. Через минуту обсуждали уже соседний стол, количество свечей и человека, который непременно захочет выступить после ужина. Для двух дней подготовки этого было достаточно, но Дора заметила, что доктор так и не включил лампу обратно.

* * *

В участке Уитмор читал свой текст для газеты. Четыре абзаца не хотели уменьшаться, хотя из каждого уже убрали слова, которыми он мог бы защитить себя без прямой лжи. Редактор Мэтью Грей ждал напротив, держал перчатки за пальцы и не торопил. Это раздражало сильнее, чем вопросы.

— Вы пишете «могло сложиться впечатление», — сказал он наконец. — У кого?

Инспектор перечитал строку.

— У читавших сводку.

— Вы её подписали?

— Да.

— Тогда назовите, что в ней стояло.

Рид находился за соседним столом. Не вмешивался, но не ушёл за чаем, как сделал бы человек, дающий начальнику возможность сохранить лицо. Уитмор поднял карандаш и переписал начало.

В тысяча девятьсот двадцать четвёртом предположение о причине отъезда Элеоноры Вейл стало в его изложении почти установленным объяснением. Он не руководил всем поиском. Это было верно, но недостаточно. Свою подпись поставил он, и нынешняя запись должна была сказать об этом раньше, чем о том, как много новых бумаг собрала полиция.

Летом работу не откладывали. Норткотт ответил в июле. Рут Лейн, жившая под именем Алисы Роуэн, была опрошена лично двадцать первого числа; её документы, прежние независимые сведения и нынешнее проживание позволили подтвердить, что отвечала сама разыскиваемая женщина. Рид ездил туда после первого ответа местной полиции и принёс в участок не только её подпись.

Он хорошо помнил приёмную бельевого предприятия. В тот июльский день посетители оставили на стульях два свёртка, потому что сперва не поняли, куда их отнести. Рут вынесла

оба обратно к стойке, назвала имена и только тогда поздоровалась с полицейским. В руках у неё оставалась записка с цифрами. Она предупредила, что сможет говорить у себя дома после работы; здесь её всё равно прервут. Рид согласился ждать, и женщина впервые посмотрела на него внимательнее, будто рассчитывала, что придётся спорить.

На Садовой улице Джоан расставляла на крыльце камешки. Два чёрных, один серый, два чёрных. Рут спросила, зачем закрыт проход. Девочка ответила, что это магазин. Тогда мать попросила устроить вход с другой стороны, не разбирать всё сразу. Рид перешагнул через серый камень, не зная, заплатил ли тем самым за вход или испортил торговлю. Джоан решила, что испортил, и переставила камень сама.

Они говорили в маленькой комнате с буфетом и швейной корзиной. Рут сперва показала бумаги о себе, затем дала осмотреть запись о рождении. Сержант не просил девочку отвечать о годах, которых та не помнила. Сравнил данные с полученными независимо сведениями, отдельно записал, какую фамилию сейчас употребляют дома и в школе. Рут настояла, чтобы обе фамилии стояли без попытки назвать одну выдуманной жизнью, а другую настоящей. Она жила и под тем именем, которым приходилось пользоваться.

О старом доме говорила сухо, пока не дошла до двери. Тут остановилась, встала поправить занавеску. Джоан из коридора спросила, можно ли взять ножницы. Рут сказала, что можно маленькие, большие пусть оставит. Вернулась к столу, села и повторила, что просила выпустить её и не соглашалась остаться. Весь разговор занял больше часа; самое существенное она сказала двумя предложениями, которые нельзя было смягчить чужим названием заботы.

— Питер Роуэн, — ответила она на вопрос об отце. — Он работал в Бристоле, на складе. Перед рождением уехал. Знал, что будет ребёнок; получил ли потом письмо, не знаю.

Она принесла сохранённый лист с его именем и прежним адресом. Последняя известная связь не становилась нынешним местожительством; сержант записал, к кому можно обратиться и что именно она знала сама. Сведения о названном отце направили на проверку. Рут спросила, будут ли искать человека, чтобы привести его в её дом. Рид объяснил, что розыск сведений не обязывает её принимать непрошеного гостя.

Перед уходом она подала ему стакан воды и спросила, как будет выглядеть будущая газета. Он тогда ещё не знал, появится ли исправление. Сказал только, что её адрес и имя ребёнка не нужны, чтобы инспектор признал собственную ошибку. Она выслушала и попросила это записать, чтобы потом никто не принял её ответ за согласие рассказать о Джоан всему городу.

Девочка уже убрала камни. Возле калитки оставался один серый, и Рид, выходя, обошёл его. Джоан сказала, что теперь это ничего не значит, можно наступить. Он всё равно не наступил.

Рид передал начальнику ещё один лист. Полученная копия записи о рождении относилась к Джоан Лейн, девятнадцатое февраля тысяча девятьсот двадцать четвёртого, мать — Рут Лейн. В графе отца не было имени. Отсюда не следовало ни отсутствие отца, ни верность любого позднего рассказа о нём. Для нынешней жизни ребёнка имелись свои сведения из Нортготта; пользоваться фамилией Роуэн дома и в школьных делах не означало родиться заново.

В газетный текст эта дата не вошла. Грей спросил, можно ли печатать имя девочки. Уитмор ответил, что она не обязана стать ценой за его публичную точность. Важным для исправления оставалось другое: появились люди, чьи обстоятельства тогда не выяснили, и теперь нельзя было выдавать их отсутствие в старой сводке за отсутствие в действительности.

— Я не собираюсь устраивать расправу над вашей молодостью, — сказал редактор. — Но читателю надо понять, что вы исправляете.

Инспектор кивнул. Переписал ещё две строки и подвинул лист обратно.

* * *

Дома Элин разобрала отцовский портфель. Не по своей воле: Годфри велел найти записку от конторы, а сам ушёл к телефону. Между деловых бумаг лежали два экземпляра соглашения. В одном уже было напечатано имя Луизы Харт, сумма — двести фунтов. Место для подписи оставалось пустым.

Девушка прочла начало, затем тот пункт, который отец, вероятно, считал простым окончанием дела. Получательница должна была подтвердить частное урегулирование и отказаться от дальнейших публичных обвинений в связи со смертью Арнольда Уэста и своим увольнением. Никакой подписи под согласием не было. Были только приготовленные слова, которыми ей предлагали объяснять собственную жизнь.

Годфри вошёл и увидел, какой лист дочь держит.

— Это не твоя переписка.

— Ты попросил найти.

— Не это.

Она положила соглашение на стол, не в портфель. Отец посмотрел, но убирать не стал.

— Если она откажется? — спросила Элин.

— Тогда разговор продолжится.

Он сказал это спокойно. Дочь слышала подобные ответы с детства и знала, сколько людей принимали спокойствие за обещание доброго конца.

Годфри достал новую ручку, проверил, пишет ли, и положил рядом с соглашением. Потом спросил, поедет ли Элин в четверг с ним или снова станет ждать Робина. Она ответила, что приедет сама. Отец уже не слушал — просматривал собственную записку о том, что сказать Харт до ужина.

Глава 2. Пока не сели за стол

Гарри Лоусон пришёл в четверг с коробкой, которая выглядела старше его. Защёлка не держала, и он перевязывал крышку ремешком. Роза Пемброк велела поставить на газету: в прошлый раз после него на столе осталась жирная полоса. Электрик возразил, что полосу оставил человек, пришедший чинить граммофон. Роза ответила, что тогда газета тем более не помешает.

В малой передней комнате он сперва осмотрел лампу снаружи, затем отключил и принялся за основание. Дора заглянула, спросила, надолго ли. Лоусон показал потёртый шнур у входа в корпус, объяснил, что ограничиваться прокладкой абажура не будет. Хозяйка принесла прошлую квитанцию, и он согласился проверить также розетку. На оба дела времени хватало, если его не станут каждые пять минут спрашивать, сколько осталось.

Робин помог отодвинуть стол. Под ним нашлись две булавки и пуговица, которую Роза искала с Рождества. Сын хозяйки подал её, получил благодарность, затем остался смотреть на работу. Лоусон попросил не наклонять коробку с деталями. Робин заметил, что не наклоняет. Они переглянулись с узнаваемым раздражением людей, каждый из которых привык, что в собственной работе его не перебивают.

Бет принесла новую газету взамен испачканной. Через столешницу ничего не было видно; она посмотрела на снятую нижнюю крышку и спросила, почему лампа такая тяжёлая. Электрик ответил, что внутри есть груз, иначе её будут опрокидывать всякий раз, когда тянут за провод. Девушка покивала, не слишком заинтересовавшись. Ей предстояло к шести уметь одновременно подавать закуски и не терять чистые салфетки.

Лоусон сменил шнур, собрал лампу, выполнил проверку. Абажур больше не звенел. Розетка и настенный провод не потребовали такой же замены. В записи о работе он отдельно указал лампу и то, что осматривал её основание; Дора прочла, прежде чем подписать получение квитанции. Электрик забрал прежний шнур в коробку, чтобы потом не искать среди хозяйственных отходов.

— К вечеру придёте? — спросила Роза.

— Как договорились. Развешу свет у садовой дорожки. Только дайте лестницу, которая не проваливается третьей ступенью.

Робин обещал свою. Лоусон поправил ремешок коробки и ушёл, не взяв денег за ещё не сделанную вечернюю работу. Дом на некоторое время остался без постороннего мужчины, которому все могли давать небольшие поручения.

* * *

Дома Гарри застал жену на пороге. Она вынесла из кухни клетку, поставила на табурет и держала над нею мокрый поддон. В клетке никто не жил с весны. Соседка попросила отдать её сыну, и теперь жена Гарри решала, можно ли положить внутрь новую бумагу прежде, чем всё высохнет. Гарри сказал, что высохнет как есть. Она спросила, значит ли это, что он сам понесёт клетку, если она опрокинется в дороге.

— Сегодня не понесу. Я еду к Фарру.

— Ты писал, что у тебя работа на Черепичной улице.

— Две работы. Тут недалеко, пока не надо в питомник. Что осталось к завтраку?

Она поставила поддон на землю, выпрямилась. По четвергам Гарри всегда ел поздно, если приходилось выходить раньше семи. Если она оставляла ему что-то на тарелке, он уносил тарелку в мастерскую, а на обратном пути находил, что туда уже положили гайку или кусок провода. Сегодня она отрезала хлеб прямо на крыльце, вытерла нож о бумагу и велела сесть. Он сел на ту же ступеньку, где мальчиком сидел помощник, ожидая, когда ему разрешат впервые поехать в коляске. Теперь мальчику позволяли даже самому приводить в движение мотоцикл,

пока тот стоял во дворе и Гарри держал руль. После каждого такого опыта мальчик говорил, что управление, по его мнению, очень простое. Гарри в ответ давал ему тряпку и просил стереть с крыла грязь.

— У Стэнтонов много работы? — спросила жена.

— Лампу сделал. Фонари вечером. Просили поглядеть, когда стемнеет.

— Значит, второй раз ехать.

Гарри прожевал хлеб. Сказал, что доедет. Жена спросила, назначил ли цену за два выезда. Он ответил, что вечером всё равно будет там: осталась лестница, её надо забрать от дорожки. Жена вытерла нож ещё раз. Обычно он понимал, что она сердится, когда она переставала считать шиллингами и начинала считать часами.

— Сколько ты сегодня будешь дома до вечера?

Он не знал. Если на Черепичной улице под прибором окажется сухая доска, управится быстро. Если сырая, хозяин заставит ждать, пока вернётся сын и покажет, как отодвинуть шкаф. Жена спросила, что у него в ящике. Он сказал, что взял от Стэнтонов старый шнур, придётся положить отдельно, а то парень вытащит его и попробует употребить в другом месте. Она попросила, раз уж достаёт вещи, вынуть и те два кольца, которые он носил с прошлой субботы. Они нужны ей для занавески. Гарри не помнил колец. Открыл ящик и сразу увидел под ремешком. Жена забрала их, ничего не сказала. Гарри вдруг решил, что успеет принести клетку соседке, если та дома. Поднял, сделал два шага и услышал, как внутри по мокрому дну стукнула рейка, на которой прежде стояла кормушка. Он вернулся, отдал рейку жене. Без неё клетка оказалась удивительно лёгкой.

Соседка была дома. Её сын сразу спросил, можно ли подвесить клетку у окна, чтобы птицу было видно с улицы. Гарри предложил сначала решить, где мальчик будет сидеть сам. Мальчик показал на высокий стул возле печки. Оттуда до окна было далеко. Они выбрали стену у стола, и Гарри пообещал после работы найти длинный крюк. В дверях соседка тихо спросила, сколько за клетку. Он ответил, что пусть это останется между ней и женой. Она приняла ответ за просьбу о деньгах и полезла в карман, а он постоял ещё немного и объяснил, что клетку отдают. В своей конторе, прежде чем закрыть ящик, он всё-таки отметил отдельной чертой работу у фонарей. Знал, что вечером у хозяйки наверняка будут гости и она не захочет считать у двери.

* * *

Луиза Харт перечла приглашение уже в автобусе. Сидела возле окна, придерживала на коленях сумку и не могла решить, куда положить перчатки. Если убрать, при выходе придётся долго искать; если держать, руки будут заняты, как у человека, ожидающего, что ему что-нибудь вручат.

Она не работала в Грейстоке с тридцать первого года. После увольнения нашла ночную работу в другом месте, сначала через знакомую, потом без чьей-либо рекомендации. Дора пригласила её от своего имени. Эйвери написал отдельно: просил приехать раньше общего сбора, чтобы обсудить возможность окончить неприятный вопрос. Ни слова о том, кто именно сделал его неприятным, в записке не было.

В городе Луиза встретилась с Мэдж Уэст. Та ждала у швейной мастерской, с маленьким пакетом ниток. Отца ей не вернули бы ни деньги, ни чужое извинение; она это понимала и всё равно раздражалась, когда понимание предлагали как причину перестать спрашивать.

— Ты решила? — спросила Мэдж.

— Я ещё не видела, что он предлагает подписать.

— В его письме и так понятно.

Луиза посмотрела на пакет.

— Тебе надо обратно?

— Нет. Я отпросилась. Сказала, что иду к врачу.

— К какому?

— После вечера скажу, что не помог.

Харт не улыбнулась. Подождала, пока мимо пройдёт женщина с коляской, и предложила зайти прежде в чайную. День был длинный, ни одна не обедала. За столиком Мэдж развязала пакет, убедилась, что продавщица положила нужный цвет, и опять завязала. Одно небольшое поручение удалось выполнить правильно, и это немного помогло.

Луиза рассказывала о недавней ночной смене. Пожилой больной требовал, чтобы ему нашли потерянный конверт, потом выяснилось, что он сам отдал письмо дочери. Мэдж слушала, не превращая рассказ в намёк на собственного отца. Они знали друг друга не только по его последнему дню. Иногда именно это позволило продолжать разговор, когда все окружающие видели в них две части одного неудобного происшествия.

— Если соглашусь взять деньги, ты решишь, что я тебя продала? — спросила Харт.

Мэдж слишком быстро ответила, что нет. Потом исправилась:

— Не знаю. Я не хочу решать за тебя. Но он заплатит, а людям опять скажут, что ты наконец признала, как всё было.

Луиза положила перчатки в сумку. До выхода времени оставалось достаточно.

* * *

В Мерроу Мейбл Парк прятала ответ Рут от сырости. Письмо пришло ещё в августе, а конверт всё время находился то возле печи, то на столе, где Эдмунд ставил промасленные детали. Теперь она нашла чистую жестяную коробку и потребовала, чтобы муж больше ничего в неё не складывал.

Эдмунд посмотрел на коробку и сказал, что прежде там держал винты. Мейбл ответила, что найдёт им другую. Оба знали: подходящая посуда в доме есть, спорить здесь не о чем. Всё равно ещё минуту выбирали, в какой ящик поставить.

Нортон сообщил о вручении в июле. Сначала пришло подтверждение, что женщина в Норткотте удостоверена как Рут Лейн, живущая под именем Роуэн. Потом, двадцать четвёртого, ей передали запечатанное послание. Полиция не прочла его за получательницу. Позднее Рут написала Мейбл сама, и этот ответ не требовал ни свидетеля, ни новой описи.

Мейбл прочла мужу только то, что решила прочесть. Рут помнила холодный зал ожидания, благодарности за ложь не предлагала. Двум фунтам не нашлось удобного места между тем, что сделано тогда, и тем, как живут теперь. Однако ответ пришёл. Мейбл могла больше не выбирать каждый вечер, куда послать своё признание, не зная, есть ли кто-нибудь по ту сторону адреса.

Она закрыла коробку и пошла вынимать из воды рубашку. Эдмунд сам достал другую жестянку для винтов. На крышке обозначил мелом содержимое — чтобы в следующий раз жена, чего доброго, не нашла для неё ещё более важное назначение.

* * *

К четырём часам в Вязовом доме пахло жарким, натёртой мебелью и влажными цветами. Роза спорила с поставщиком, Бет пыталась запомнить, какую дверь следует держать закрытой из-за сквозняка. Робин устраивал у садовой дорожки место для фонарей: вечерами уже рано темнело, а Эйвери непременно предложит гостям выйти после ужина.

Рэнсом приехал раньше остальных. Принёс Доре бумагу с текстом короткого выступления, попросил проверить имена. Хозяйка отвела ему место в гостиной, сама ушла на кухню. Доктор задержался возле малой передней комнаты.

— Лоусон уже был? — спросил он Бет.

— Утром. Всё сделал.

— А верх всё равно качается.

Он осторожно тронул зелёный абажур. Тот двигался на своём креплении, не звенел. Девушка не знала, как именно должен стоять свет, и сказала, что позовёт хозяйку.

— Не надо. Я посмотрю кольцо, как во вторник. Принесите лучше кусок чистой ткани, чтобы не поцарапать краску.

Бет ушла. Когда вернулась, доктор стоял возле стола, лампа лежала на боку, шнур был отсоединён. Он взял ткань, подложил под край и попросил передать Доре, что не займёт комнату надолго. Девушка сначала увидела раскрытый карманный инструмент, потом заметила, что у доктора расстёгнут рукав. Подумала, как странно смотреть, когда человек, привыкший командовать, сам возится с чужой вещью.

Она отнесла записку хозяйке. Дора ответила, что хорошо, и попросила вытереть ножки трёх бокалов, которые оставили на слишком горячем подносе. К лампе Бет вернулась уже по другому поручению, с маленькой вазой. Доктор стоял у окна. Сказал, что верх держится, поставил прибор как прежде. В основание, по его словам, не лазил: этим утром занимался электрик.

Девушка не задавала такого вопроса. Запомнила ответ, потому что ей пришлось ещё раз объяснить Розе, почему при возвращении хозяев малая комната оказалась занята.

* * *

Годфри прибыл с пустым местом возле себя: дочь действительно поехала отдельно. Он снял плащ, спросил о Харт и попросил пока не звать его в гостиную. Сначала нужно закончить разговор.

Луиза и Мэдж пришли вместе. Дора приветствовала обеих, не спросила, зачем явилась вторая. Эйвери вышел к ним сам, повёл в малую комнату и закрыл дверь, оставив её неплотно прикрытой. Роза заглянула с подносом, поставила воду и сразу ушла.

На столе лежало соглашение. Харт читала сидя. Мэдж стояла у окна, стараясь не смотреть через её плечо. Сумма не уменьшилась: двести фунтов. Но бумага хотела за них гораздо больше, чем отказ от спора о потерянном месте.

— Здесь написано «не имеет оснований поддерживать обвинения», — сказала Луиза. — Я такого не говорила.

— Это обычная формулировка окончания частного дела.

— Тогда пусть кончается без моей подписи.

Эйвери отодвинул приготовленную ручку.

— Вы отказываетесь даже обсудить?

— Я прочла и обсудила. Если платите за то, что я не делала, не заставляйте внизу написать, будто сделала.

Он посмотрел на Мэдж.

— Вы согласны с тем, что разговор никогда не кончится?

Женщина повернулась от окна.

— Пусть сначала начнётся тот, который вы всё время заменяете разговором о деньгах.

Годфри убрал один экземпляр в портфель, другой оставил на столе. Не порвал, не спрятал. Сказал, что после ужина к вопросу можно вернуться с более спокойным отношением. Харт поднялась и забрала только своё приглашение, которое положила рядом с сумкой.

В коридоре она столкнулась с Рэнсомом. Доктор посмотрел на её лицо, затем на Мэдж, но ничего не спросил. Его позвали к Доре, и он пошёл, поправляя манжету. Луиза задержалась у двери, будто хотела сказать вслед; не сказала.

* * *

К половине восьмого большинство гостей собралось в гостиной. Дора искала карточку человека, который только что сообщил, что придёт с женой, хотя приглашение было на одного. Робин помогал Элин, уронившей платок под кресло. Из сада подошёл Лоусон, попросил хозяйку посмотреть на фонари, прежде чем он окончательно уберёт лестницу.

Эйвери выглянул из малой комнаты и спросил, нет ли ещё минут десяти до стола. Нужно дописать несколько строк. Дора ответила, что раньше него никто не начнёт, и тут же пожалела: сказала как упрёк, а он принял за подтверждение своего обычного положения.

Дверь закрылась. В гостиной Рэнсом начал рассказывать пожилому попечителю о нынешних койках Грейстока. Бет принесла пустой поднос за оставленной в передней комнате водой.

Звук был короткий, будто стул рывком отодвинули по полу. Девушка остановилась у порога. Сначала увидела наклонившийся свет, потом Годфри возле стола. Одна рука оставалась у лампы, другая опустилась к трубе под столом. Тело странно упиралось в край кресла.

Бет позвала хозяйку. Робин отстранил её и шагнул вперёд, но за его спиной уже говорил Лоусон:

— Не трогайте. Отойдите от стола.

Электрик не пытался удерживать тело через чужую руку. Быстро отключил подачу, проверил и только после этого позволил приблизиться. Доктор оказался в комнате почти сразу. Гости остались в коридоре, где каждому теперь мешал человек впереди.

Бет прижимала поднос к животу. На нём дрожали пустые стаканы. Роза забрала его, не сказав ни слова о том, как следует держать посуду.

Глава 3. После света

Эйвери лежал на коврике посреди малой передней комнаты. Роза всё время смотрела на край ткани, загнувшийся под его плечом. Важнее было, чтобы человек задышал. Край почему-то всё равно мешал смотреть. Она поправила бы, если бы доктор не велел держаться дальше.

Рэнсом с Робином отодвинули кресло, переложили Годфри на свободное место. Пытались помочь, пока Бет звонила Саймону Фенвику. Дора сначала хотела позвонить сама, но не смогла вспомнить номер, который набирала множество раз. Девушка нашла возле аппарата карточку и назвала адрес без запинки. Потом позвала полицию по обычному местному телефону. Говорить о человеке, лежащем в их комнате, как о поводе для вызова оказалось легче, чем произнести его фамилию перед дочерью.

Элин сидела на нижней ступени. С неё не снимали пальто, хотя в доме было тепло. Когда Робин подошёл, она спросила, не мешает ли отец пройти. Мужчина не понял, затем присел перед нею. Элин повторила вопрос, уже со злостью на то, что её не понимают.

Фенвик приехал до Уитмора. Посмотрел, что сделано, попросил освободить место у коврика и продолжил осмотр. Рэнсом отвечал коротко, внятно, будто принимал у коллеги собственную смену. Ток отключили прежде, чем он прикоснулся к Эйвери; лампу после этого не включали. Электрик стоял у двери, не позволяя никому проверить её из любопытства.

Дора сказала, что весь дом остался без света. Лоусон ответил: отключил только нужную часть, на кухне всё работает. Он уже успел повторить это двум гостям, требовавшим вернуть освещение. Робин принёс свечи. Поставил не возле тела, а в проходе, чтобы люди перестали спотыкаться друг о друга.

Когда Уитмор вошёл, Фенвик поднялся ему навстречу. Сказал, что Эйвери умер, восстановить дыхание не удалось. Причину предстоит определять осмотром вместе с обстоятельствами. На руке имелось небольшое повреждение, которое следовало сохранить и описать. Рэнсом стоял рядом, слушал, не перебивая.

Инспектор оглядел коврик, кресло, отодвинутый стол. Попросил назвать всех, кто прикасался к телу. Врач перечислил действия, Рэнсом добавил свои, Робин показал, за что поддерживал плечи. Первоначальную позу оставалось восстановить по тому, что видела Бет, и по положению вещей, пока их не тронули ещё раз.

— Вы были первой? — спросил Уитмор девушку.

Она кивнула.

— Я за водой пришла. Не за человеком.

Фраза вырвалась сама. Ей стало стыдно, будто оправдывалась в том, что не ожидала увидеть тело. Инспектор попросил показать с порога, где была лампа и где Эйвери. Не заставлял подходить к нему или воспроизводить движение рукой. Бет стояла, прижав пальцы к юбке, и смотрела на стол, который за десять минут сделался другой вещью.

* * *

Рид появился вслед за Прайсом. В гостиной шумно спорили, надо ли всем оставаться: один из попечителей собирался обратно в город и не желал пропускать поезд. Сержант записал его имя и адрес, попросил пока не уходить, объяснил, что необходимо узнать, кто находился рядом. Попечитель потребовал поговорить с инспектором. Рид показал на дверь малой комнаты, которую Прайс попросил не открывать. Мужчина отложил требование.

Хозяйка всё ещё держала карточку позднего гостя. Сержант взял у неё чистый конверт, предложил сложить туда имена присутствующих, чтобы карточки не потерялись. Дора с неожиданным облегчением согласилась. Уже знала рассадку, могла перечислить людей и их места. Не знала, кого теперь чем кормить и можно ли вообще произнести слово «ужин».

Роза спросила об этом сама. Рид сказал, что живым людям надо поесть. Не обязательно за большим столом. Женщина кивнула, отправила Бет за хлебом и стала разносить холодное на подносе. Девушка работала механически; каждый раз, входя в гостиную, смотрела сперва на дверь малой комнаты.

Элин всё же сняла пальто. Под ним оказалось тёмно-синее платье, на вороте прилипла нитка от новой подкладки. Робин заметил, снял её. Только после этого она спросила, можно ли ей видеть отца. Фенвик поговорил с нею отдельно. Рид отошёл, не желая делать из каждого частного вопроса часть общего первоначального опроса.

Луиза Харт сама попросила его выйти в коридор.

— На столе осталась бумага, которую он давал мне подписать. Я отказалась. Там моё имя, и я не хочу, чтобы теперь кто-нибудь сказал, будто согласие уже было.

Сержант уточнил, где лежит. Она описала оба экземпляра, сказала, какой Эйвери убрал в портфель, какой оставил. Мэдж подтвердила, что присутствовала. Женщины не принесли с собою готового обвинения против Рэнсома. Они принесли разговор, после которого ещё полчаса пытались заставить себя здороваться с гостями как обычно.

— Двести фунтов? — спросил Рид.

— Да. За потерянное место и за то, чтобы вопрос о мистере Уэсте не поднимали публично.

— Вы получили что-нибудь?

— Нет. Он ничего не выдал. Подписи нет.

Мэдж взглянула на Харт, будто только сейчас поняла, что отказ тоже нужно будет подтверждать словами, а не считать известным всем навсегда.

Рид описал услышанное, сообщил Уитмору. Соглашение и портфель приняли при свидетелях отдельно от медицинских вещей. Лампой не прижимали листы, как это сделали бы час назад. Стол перестал быть местом, куда можно положить любую вещь, не подумав, что уже лежит под нею.

* * *

Лоусон рассказал, как отключил питание. Он видел положение Эйвери при входе, но не самый момент прикосновения. Бет позвала Дору, Робин шагнул к столу; электрик остановил прежде, чем тот схватился за тело. После отключения убедился, что приближаться можно. Предохранитель до его вмешательства не сработал. Из этого не следовало, что удара током не было.

— Лампочка ещё горела, — сказала Бет.

— Я слышал, — ответил Уитмор. — Покажете, с какой стороны был свет.

Проверять рассказ новым включением он не позволил. Лоусон оставил прибор и соединение с сетью в том состоянии, в каком они оказались после его действий, назвал, что именно отключил. Никакой ремонт не должен был начинаться раньше осмотра. Электрик согласился с такой быстротой, что сержанту стало ясно: больше всего тот сейчас боялся не полицейского запрета, а предложения немедленно доказать на живом человеке, что лампа исправна.

Утром он открывал основание, менял шнур, осматривал внутренность. Запись о работе была у хозяйки, старый шнур — в коробке. Днём уезжал, возвращался вечером ради дорожки. Назвал заказы, которые выполнял между посещениями. Сам он не мог гарантировать, что после его ухода к лампе никто не подходил. Такого у него и не спрашивали: подходил Рэнсом, это видели люди и доктор не отрицал.

— Я поправлял верх, — объяснил врач. — Во вторник меня уже просили. Сегодня решил проверить, держится ли. Основанием утром занимался мистер Лоусон.

Рэнсом говорил в присутствии электрика. Тот посмотрел на него с досадой, но не стал спорить о том, могла ли необходимость возникнуть снова. Утром всё собрал и проверил; если кому-то опять не понравилось крепление, ему следовало сказать до вечера.

Доктор повторил: открывал только верхнюю часть. Отсоединил от питания прежде работы, затем поставил. Включал ли после, сразу не вспомнил. Эйвери мог сделать это сам, когда садился к бумагам.

— Вы знали, что он будет здесь работать перед ужином? — спросил инспектор.

— Все знали. Он всегда занимает эту комнату, если надо от кого-нибудь отделиться.

Дора, стоявшая в дверях, закрыла глаза. Никто из мужчин не имел в виду её, однако это снова оказался её дом, в котором они лучше знали привычки друг друга.

* * *

Малая комната открывалась в переднюю и в короткий проход к кухне. Окно было прикрыто, снаружи вдоль стены шла узкая цветочная полоса. Не закрытое непроницаемое помещение. До прихода гостей им пользовались и хозяева, и работники; вечером каждый мог заглянуть за водой или бумагой. Рид попросил Дору нарисовать двери так, как она их называет. Иначе «передняя» уже означала у одних комнату, у других весь коридор.

С фотографии первоначального вида пришлось начать после оказания помощи. Кресло сдвинуто, коврик вынут, тело перемещено, лампа стояла под иным наклоном, чем при Бет. Эти изменения записали. Под столом остались труба, ножки и край провода; Уитмор проследил, чтобы снимок включал их, а не только красивое тяжёлое основание.

Для осмотра вызвали инженера осветительной компании Уолтера Меррита. Тот мог приехать утром. Прибор до этого охраняли, не разбирая для объяснения гостям. Запросили также специалиста по следам: внутренние и наружные поверхности ещё предстояло исследовать, прежние касания записать отдельно. Кто-то из гостей спросил, что можно найти на вещи, которую годами трогают. Инспектор ответил, что узнает после исследования, не раньше.

Роза принесла коробку для чистых перчаток и подписала на ней, откуда взяла. Рид поблагодарил, но попросил не складывать туда лампу. Женщина хотела помочь чем-то, кроме бутербродов. Он нашёл для неё другое дело: показать, где до вечера стояла квитанция Лоусона и кто видел её после прихода хозяев.

Из портфеля Эйвери достали второй экземпляр соглашения и записку с вопросами к Харт. Там не было подписи получательницы. Оба экземпляра совпадали по условиям; один лежал на столе так, как описала сестра. Это объясняло спор, не объясняло смерть.

* * *

У Розы в кухне на плите стояли две кастрюли. Одну можно было сразу убрать, в другой варился соус, который к этому часу никто уже не ждал. Она попробовала снять кастрюлю сама, но прихватка намокла и обожгла пальцы. Бет увидела, подала сухое полотенце. Роза поставила кастрюлю на камень, спросила, почему девушка уже в пальто. Бет хотела выйти к садовой ограде. Там за нею должны были зайти, когда закончатся обязанности у стола. Теперь она не знала, можно ли выйти даже на полминуты. У неё в кармане лежал ключ от сестриного дома, сестра попросила принести, чтобы не пришлось держать дверь незапертой до утра.

Роза спросила, во сколько собирались прийти за ключом. Бет сказала, что сразу после ужина. И тут же поняла, что никогда не договаривалась о часе. Она уже стыдилась своего пальто: в доме умер человек, а она оделась так, будто сейчас попрощается с хозяевами и уйдёт.

— Попросим, чтобы предупредили, — сказала Роза. — Снимай пальто, всё равно там холодно.

Бет сняла и осталась с ключом в ладони. Роза пошла искать полицейского, который не занят у двери. Прайс согласился послать человека от калитки с запиской, если сестра живёт недалеко. Бет смогла назвать улицу, но номер знала только приблизительно: дверь красная, по другую сторону прачечной. Прайс попросил ещё имя. Тут Бет впервые за вечер посмотрела на него без страха. Имя сестры ей не нужно было уточнять. Она написала его сама и попросила сказать, что ключ принесёт утром. Прайс перечитал, заметил, что слово «утром» на маленьком листке можно принять за название улицы, и велел прибавить «до работы». Бет прибавила.

Потом нашла в кармане пальто платок, завернула ключ, чтобы не потерять, и отнесла пальто на крючок.

В кухне Роза уже накрыла соус тарелкой. Открыла шкаф, достала широкую миску. Осталось разложить то, что можно оставить до утра. Бет спросила, нельзя ли сначала убрать из передней холодные блюда. Роза сказала, что в малую комнату пока не войдёт никто, а из передней убрать можно. Девушка помнила, что посуду надо брать от двери к окну, потому что иначе придётся дважды обходить стол. Дора всегда следила, чтобы у людей в коридоре оставалось место. Сегодня коридор почти опустел, а Бет всё равно никак не могла заставить себя взять блюдо у самой двери.

Роза увидела это, взяла блюдо сама и попросила Бет собрать только вилки. Их оказалось семь. Две с такими же ручками лежали на верхнем подносе, их не использовали. Бет положила вместе, Роза отодвинула чистые и объяснила, что мыть их второй раз не надо. Девушка так и стояла, держа одну вилку, пока не сообразила, что ждёт извинения. Роза могла бы сказать, что в такую ночь неважно, куда положить вилку. Ей самой стало бы легче. Но Роза лишь взяла вилку и положила к чистым: всё-таки была сухая, никто ею не пользовался.

За служебной дверью слышались шаги. Бет думала, что это человек вернулся от сестры, а в кухню заглянул Робин, попросил воды. Он держал чашку за край, потому что ручка была горячая. Роза подала другую. Бет, пока он наливал, подумала, что утром сестра откроет ей дверь и сразу спросит, что произошло. Ей хотелось запомнить, с чего начать. Ужаснее всего ей казалось сказать: «Уронили стул». Так началось только для неё. Она попросила у Розы ещё чистое полотенце, сложила мокрые в таз и решила пока не произносить ничего.

* * *

После десяти гостей начали отпускать по установленным адресам и записанным рассказам. Поезд попечитель всё равно пропустил. Дора предложила комнату, потом спохватилась: в ней лежали ковёр и запасная посуда. Он поехал в гостиницу и на пороге поблагодарил так, словно хозяйка отвечала за всё, кроме того единственного, ради чего его пригласили.

Рэнсом оставался, пока Фенвик не сказал, что дальше справятся. Собрал вещи, спросил, требуется ли ещё его заявление. Уитмор назначил продолжение разговора на утро. Врач не возражал, оставил адрес Грейстока и домашний телефон. Элин уезжать не хотела. Робин принёс ей чашку, она приняла и впервые спросила, сколько времени прошло. Он не знал, от какого события считать, и назвал час.

Портрет доктора Стэнтона так и стоял на буфете. Свеча в проходе отражалась в стекле, закрывая лицо светлым пятном. Дора подошла, повернула раму, но блик переместился вместе с нею. Поставила на прежнее место и позвала Розу. Надо было убрать несостоявшийся ужин, сохранить то, о чём попросила полиция, и понять, сколько людей всё-таки останется ночевать.

Уитмор вышел вслед за Ридом во двор. Ночь была мягкая, пахло травой и горячим стеклом садовых фонарей. Лоусон ждал возле своей лестницы: хотел узнать, можно ли забрать остальное оборудование.

Инспектор разрешил то, что уже осмотрели и описали, уточнил адрес утренней встречи. Электрик взял лестницу под мышку, донёс до машины, снова поставил: забыл коробку у Розы. Вернулся за нею с таким усталым видом, что Рид захотел помочь. Потом вспомнил про ремешок, который нужно держать, чтобы крышка не раскрылась, и всё-таки помог.

Глава 4. Лишняя деталь

Уолтер Меррит приехал в пятницу без вида человека, которому особенно нравится осматривать место смерти. Принёс приборы, рабочую сумку и собственные перчатки. Первым делом попросил показать, что отключали, кто подходил к лампе и не пытались ли её включать после случившегося. Услышав, что нет, заметно расслабился.

Роза к тому времени уже успела спросить у Прайса, можно ли убрать огарки. Констебль показал, какие нужны для описания, какие нет, и подписал ей листок, потому что одно устное «можно» после вчерашнего никто не решался принимать всерьёз. Робин перенёс портрет отца в гостиную. Не хотел, чтобы тот оставался фоном для каждой новой чужой фотографии.

Сержант Ричард Баскомб прибыл вместе с помощником. Риду прежде доводилось с ним работать. Он не любил, когда поверх одной задачи немедленно давали другую: сперва снимки и вид поверхности, затем действия с прибором, потом сравнительные образцы. Пока исходное не сохранено, всякий совет «да тут просто отвернуть» следовало оставить при себе.

Лоусон пришёл по вызову с коробкой и квитанциями. Утреннюю запись Доры сверили с его рабочей тетрадью. Сохранился прежний шнур, заменённый накануне; тот показал характерный износ и пояснил, почему не ограничился прокладкой. Заявления о том, что после его работы никто не мог повредить лампу, не делал. Его задача состояла в другом: объяснить, что он открыл, что видел и в каком состоянии собрал.

Меррит снял общий вид, попросил Баскомба подтвердить, что внешние поверхности можно изучать в таком порядке, затем начали осмотр. Питание оставалось отсоединённым. Пригодность соединения проверяли приборами, не рукой. Предмет не превращали в демонстрацию того, как вчера погиб человек.

Под нижней крышкой обнаружилась небольшая дополнительная металлическая деталь. Она не относилась к обычному креплению и не требовалась для удержания груза. Лоусон, увидев, сразу выругался, затем извинился перед Дорой. Утром её здесь не было, сказал он. Основание открывал, работал достаточно долго, чтобы заметить такое. Меррит попросил пока оставить ответ без продолжения: сейчас он изучал вещь, а не выбирал, кому верить.

Дора вышла из комнаты. Слушать объяснение о том, почему чей-то прибор стал опасным, было труднее, чем смотреть на опечатанную дверь. В коридоре её остановила Бет, хотела узнать, можно ли подать инженерам чай. Хозяйка сказала, что можно, только в другой комнате. Девушка поблагодарила, словно получила значительное поручение.

Внутреннее изменение связывало корпус с электрической цепью там, где при исправной конструкции этого не должно было быть. Меррит показал расположение на записи и отказался объяснять устройство ожидавшему у двери любопытному гостю. Для полиции он оформит заключение с рисунком и состоянием частей. Внешнее свечение лампочки не исключало опасного состояния корпуса, а предохранитель не обязан был сработать так, как представляли себе гости.

— Это могло произойти от старости? — спросил Уитмор.

— Изношенная изоляция может сделать прибор опасным. Но эта деталь не выросла внутри от износа. Её добавили. Как и когда — проверим отдельно.

Инспектор отступил, давая Баскомбу место. На гладкой внутренней стороне обнаруженного элемента виднелся участок, который тот хотел исследовать прежде, чем к нему прикоснутся ещё раз. Часть поверхности оставалась защищена закрытым основанием. Пригодного отпечатка пока никто не объявил и имени не назвал. Сделали снимки, обозначили места контактов при разборке, начали работу со следами.

Рид стоял возле окна, записывал последовательность. Утром на основании лежала пыль с края сукна, теперь рядом оказались изоляционная подкладка, снятая крышка и отдельные

фотографии. Всё, что снимали, получало своё место. Это раздражало Лоусона: он видел, как вещь можно собрать за минуту, и одновременно понимал, почему делать этого сейчас нельзя.

Когда его вывели для отдельного рассказа, он спросил сержанта, считают ли его убийцей. Рид ответил, что проверяют его работу и действия всех, кто подходил к прибору.

— Я людям свет чиню, — сказал Лоусон. — Если теперь каждый будет смотреть, как у меня руки дрожат, много начинишь.

Сержант предложил воды. Электрик взял стакан обеими руками, не скрывая дрожи.

* * *

Луиза Харт ждала в участке с Мэдж. Ночевала у знакомой, пропустила смену, уже сообщила об этом работодателю и теперь боялась услышать ту же вежливую формулу о ненадёжности, с которой рассталась в Грейстоке. Рид попросил записать, кому требуется подтверждение времени в полиции. Сначала она сказала, что не нужно, потом дала адрес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.